

Е.С. Жиронкина

ИНФАНТИЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ И ЕГО НАРРАТИВНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ В РОМАНЕ ДЖОНАТАНА ЛИТТЕЛЛА «БЛАГОВОЛИТЕЛЬНИЦЫ»

Рассматривается специфика нарративной организации романа Джонатана Литтелла «Благоволительницы». Установлено, что основообразующей характеристикой личности героя-рассказчика является инфантильность. Эта особенность повествователя обуславливает специфику поведения и восприятия героя и, как следствие, особенности нарратива, что позволяет читателю воспринимать события войны с точки зрения человека, оказавшегося в ситуации необходимости и отсутствия выбора.

Ключевые слова: Д. Литтелл; «Благоволительницы»; инфантильное сознание; Холокост; герой-нарратор.

Джонатан Литтелл признается одним из немногих писателей, предложивших опыт художественного осмысления войны с точки зрения палача. Бывший военный преступник, ведущий повествование от первого лица, провозглашает мысль о том, что потенциальным убийцей может быть любой человек. До выхода в свет романа «Благоволительницы» (2006) подобную нарративную организацию имели произведения французских авторов Робера Мерля («La mort est mon métier»), Мишеля Турнье («Le Roi des Aulnes») и британской писательницы Гитта Серени («Into That Darkness»). Прототипами героев произведений Р. Мерля и Г. Серени стали военные преступники Рудольф Хёсс, основатель и комендант лагеря смерти Освенцим, и Франц Штангль, комендант концентрационных лагерей Собибор и Трешлинка [1]. В романе Мишеля Турнье фигурирует вымышленный персонаж, Абель Тиффож: он вербует крестьянских детей в ряды нацистов.

Эти три произведения выстроены по законам поведенческого дискурса: так, герои Мерля и Серени раскаиваются в своих преступлениях, а герой Турнье «искупает» свою вину, спасая еврейского ребенка ценой собственной жизни [2]. В отличие от нарраторов вышеназванных романов, герой-повествователь в произведении Литтелла не только не признает собственную вину, но и взваливает груз ответственности на читателя: «Если вы родились в стране или в эпоху, когда никто не только не убивает вашу жену и детей, но и не требует от вас убивать чужих жён и детей, благословите бога и ступайте с миром. Но уясните себе раз и навсегда: вам, вероятно, повезло больше, чем мне, но вы ничем не лучше» [3. С. 25]. Такая стратегия повествования позволяет считать роман Литтелла новаторским среди других произведений, посвященных событиям Холокоста и выстроенных от имени нацистских преступников.

Неудивительно, что его роман, помимо хвалебной критики и двух престижных французских премий (Гран-при Французской академии и Гонкуровской премии), получил ряд негативных отзывов: писателя упрекали в «банализации памяти об истреблении евреев», в «отрицании исключительности» нацистского преступления [11]. В частности, режиссер фильма «Шоа» Клод Ланцманн писал, что «настойчивость в описании психологических и физиологических проблем рассказчика может заставить нас забыть о глав-

ном, а именно о том, что он сотрудничает с преступной организацией» (цит. по: [4. Р. 15]) (здесь и далее перевод мой. – Е.Ж.). По утверждению Жюли Делорм, такие претензии к автору обусловлены тем, что «читатель не готов услышать голос палача, так как последний наделен рядом негативных характеристик, клише <...> которые граничат, главным образом, с молчанием» [5. Р. 34]. Однако в настоящее время как в литературном творчестве, так и в общественной мысли предпринимаются попытки переосмысления устоявшихся форм памяти о войне. Так, Александр Эткинд утверждает: «Те, кто сейчас определяет культурные репрезентации нацистского Холокоста или сталинского террора, принадлежат к третьему поколению после катастрофы <...> В Европе после Холокоста процесс горя охватывает потомков как жертв, так и преступников: поколения уходят, и взаимная ненависть сменяется соучастием в горе... совместное горе имеет примирительный, космополитичный потенциал» [6. С. 40].

Обратим внимание на то, что внимание исследователей романа «Благоволительницы» сосредоточено на главном герое – офицере СД Максимилиане Ауэ. В центре литературоведческой рефлексии находится преимущественно образ героя-нарратора: он анализируется посредством соотношения с персонажами древнегреческой трагедии (Орест, Эдип), зачастую – с применением психоаналитического инструментария. Этой проблематике посвящены статьи Владимира Трубецкого [7], Патрис Имбо [8], Жюли Делорм [5]. Однако вопрос о том, каким образом события войны преломляются через опосредующее звено – сознание главного героя, – представляется неразработанным. В настоящем исследовании предпринимается попытка объяснить, какой взгляд на события Второй мировой войны моделируется в романе «Благоволительницы», а также – каким образом специфика этого взгляда характеризует главного героя.

Центральной характеристикой героя-нарратора мы будем считать его инфантильность. Впервые понятие инфантильности в качестве характеристики главного героя применила Полин де Толосани [9]. Однако это свойство нарратора не было раскрыто исследователем подробно: инфантильность Максимилиана Ауэ рассматривалась только в качестве причины его вуайеристских наклонностей, но не как фактор, фундирующий нарративные особенности романа.

С нашей же точки зрения, инфантильность героя-нарратора обуславливает парадигму его поведения и восприятия, следствием чего, в свою очередь, является специфическая манера изложения событий Холокоста: рассказчик говорит о них напрямую и безоценочно, не проявляя эмпатии и переводя рассказ на разговор о личных проблемах.

Несмотря на то, что принимающий участие в еврейских акциях герой литтелловского романа и рассказчик, повествующий об этих событиях, фактически являются одним и тем же лицом, их голоса не совпадают. Герой олицетворяет события и поступки, рассказчик – образно-языковую стратегию их описания. Мы можем предположить, что герой романа Литтелла является носителем *остранённого* сознания. По В. Шкловскому, остранение представляет собой прием, позволяющий создать «особое восприятие предмета», его «виденье», а не «узнавание» [10. С. 13]. Инфантилизацию повествования можно считать типичным проявлением приема остранения, так как она предполагает не осмысленный взгляд на события войны и Холокоста, но описание их в обыденном ключе. Об инфантилизации речи героя свидетельствуют и элементы косноязычия в его речи: «Я вынул свой пистолет и направился к куче: юноша выл от боли, я нацелил дуло ему в голову и нажал на спуск, но пистолет не выстрелил: я забыл поднять предохранитель, потом я снял его, и пуля попала юноше прямо в лоб, он вздрогнул и затих» [3. С. 114].

Герой романа Литтелла является объектом оценки со стороны рассказчика. Неслучайно в семичастном хронотопе романа «Благоволительницы» выделяются два временных плана: настоящего, в котором герой-рассказчик начинает писать книгу, и прошлого, где он, будучи молодым, вступает в ряды СД и участвует в «окончательном решении еврейского вопроса». Если в настоящем времени зрелый герой настаивает на своем единстве с другими людьми («Уж поверьте: я такой же как вы!» [3. С. 28]), то участвующий в событиях войны молодой Максимилиан Ауэ культивирует собственную исключительность (см. [11]). Обнаружение этого контраста позволяет нам определить модальность слова героя как инфантильную (в рамках его участия в военных действиях). Именно она лежит в основе непосредственного, еще не рефлексированного им восприятия событий войны и геноцида.

Аналогичный нарративный прием лежит в основе романа Чарльза Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим» (1849 г.). Поэтому роман «Благоволительницы» оказывается прочно связан с традициями романа-воспитания, обращаясь к образу «становящегося человека». Характеризуя эту жанровую разновидность романа, М.М. Бахтин пишет: «Сам герой, его характер становится переменной величиной... Изменение самого героя приобретает сюжетное значение» [12. С. 329].

Обратимся к анализу проявлений инфантильности Максимилиана Ауэ. Первое, на что обращают внимание исследователи, характеризуя образ героя, – его взаимоотношения со своей семьей. Характер Ауэ моделируется в романе в инверсии с психоаналитической теорией: герой не может преодолеть ненависти к

своей матери, любит только свою сестру и отказывается верить в гибель отца. Такое отступление от классической теории психоанализа связано с признанием рассказчиком того, что он «предпочел бы быть женщиной». Александр Пятигорский в статье «“Другой” и “свое” как понятия литературной философии» утверждает, что «роман самосознания объективно отрицает род <...> Самосознание... всегда актуализируется как отделенное не только от другого в настоящем, но и от любой прошлой истории» [13. С. 407]. Герой «Благоволительниц», напротив, не может избавиться от ненависти к своей матери, оставить попытки вновь «обрести» отца и простить своей сестре замужество, считая его предательством. Более того, каждое событие Холокоста, которому он является свидетелем, провоцирует его на воспоминания о семье. Это свидетельствует о том, что Ауэ не способен разорвать связь со своим родом и оставить позади собственное детство.

Показательным фактом в истории героя является то, что после войны он, несмотря на гомосексуальность, все же женится и обзаводится потомством – «без всякой охоты» [3. С. 18], но ради выгоды. А. Пятигорский утверждает: «Род в романе самосознания отрицается и субъективно. Это проявляется на уровне элементарного сюжетного действия в том, что герой не продолжается в потомстве, – род умирает с ним или в нем. Отделенный от деторождения эрос либо трансформируется (не сублимируется!) в энергию аскезы, либо находит свою реализацию в гомосексуализме...» [13. С. 407]. Таким образом, Ауэ оказывается неспособным осознать себя: он «мимикрирует» под «обычного» человека из чувства страха и желания собственного комфорта, что также говорит о его незрелости.

Инфантильность ведет и к отсутствию эмпатии: «Он [герой] остается в плену этого полиморфного извращения ребенка, будучи неспособным установить границы для удовлетворения своих желаний, что проявляется в отрицании другого» [14. Р. 187]. Ауэ не внятна боль другого человека, так как он сосредоточен на собственном состоянии и переживаниях, отчего в его нарративе возникают шокирующие сравнения и ассоциации. Например, необходимость ходить по телам убитых и умирающих в расстрельном рве вызывает у него воспоминания о туалете, кишасщем тараканами. Рассказчик сообщает: «Это было ужасно, меня пронизывало невыносимое отвращение, как в тот вечер в Испании, в сортире, полном тараканов...» [3. С. 114]. В работе «Силы ужаса. Эссе об отвращении» Юлия Кристева утверждает: «Труп... высшая степень отвращения. Это смерть, попирающая жизнь. Отвратительное. Оно отброшено, но с ним невозможно расстаться и от него невозможно защититься так, как от объекта <...> Таким образом, вовсе не отсутствие чистоты или здоровья порождает отвратительное, но отвратительное – это то, что взрывает самоидентичность, систему, порядок» [15. С. 39].

Напомним, что в эпизоде с изображением расстрела в Бабьем Яре Ауэ впервые участвует в экзекуциях непосредственно. Припоминание самой пугающей и отвратительной сцены из детства нарратора здесь

неслучайно: Ауэ переживает убийство как противостественное событие. В отличие от солдат СС, для которых проявление жестокости к евреям – следствие «чудовищной жалости, не нашедшей другого способа выражения и превратившейся в ярость» [3. С. 129], для Ауэ ужас, порожденный необходимостью участвовать в расстрелах, заменяется на неприятные воспоминания из детства.

Инфантильность героя подтверждается также рядом его поступков. Судьбоносное решение вступить в СД Ауэ принимает вовсе не из идеологических соображений: его положительный ответ продиктован стремлением избежать уголовного наказания за гомосексуализм. При этом герой-рассказчик не слушает аргументов офицера, уговаривающего его вступить в СД: «Я слушал его вполуха <...> Я мечтал только об одном – попасть в туалет» [3. С. 71]. Этот пассаж говорит о том, что физический дискомфорт становится определяющим для принятия решения, которое полностью изменит жизнь рассказчика.

Сосредоточенность Ауэ на физическом комфорте также мешает ему проявлять сострадание к расстреливаемым евреям. Он говорит: «Некоторые евреи пытались заговорить с полицейскими, но украинцы окриками и ударами загоняли их обратно в толпу. Дул пронизывающий ветер, я мерз и очень жалел, что не взял с собой пуловер» [3. С. 111]. Неслучайно отсутствие у героя сочувствия к жертвам трансформируется в болезненное состояние: его здоровье постоянно ухудшается, его все чаще тошнит.

Исследуя поэтику Гоголя, В. Подорога утверждает: «...сама личность, особенно там, где естественность работы органов питания и дефекации нарушается, неизбежно регрессирует к инфантильным уровням, к оставленному далеко позади предыдущему опыту» [16. С. 265]. Философ также обращает внимание на прямую связь органов пищеварения и «вышей точки» пищеварительной системы – рта. Неслучайно французский филолог Ив Буассело использует понятия «логорея» (от греч. *logos* и фр. *diarrhée*) для характеристики повествования Максимилиана Ауэ [17. Р. 284]. Бесконечный словесный поток нарратора, кроме того, не скован никакими ограничениями языка: ни цензурой, ни культурным запретом на выражение половых пристрастий и естественных отправления организма, ни идеологическими табу, связанными с выбором слов для обозначения истребления еврейского народа (напомним, что повествователь говорит напрямую и безоценочно).

В работе «Феноменология тела» Валерий Подорога говорит о становлении языка ребенка, утверждая, что ребенок подвергается языковой репрессии, он вынужден «использовать при создании собственного языка код запретительной речи» [18. С. 75]. В отличие от ничем не сковываемого речевого потока молодого героя, речь «взрослого» Ауэ спустя десятки лет категорически меняется: он избегает прямо говорить об экзекуциях и использовать слова, напрямую отсылающие к событиям геноцида, постепенно, через эвфемизацию высказываний, подводя читателя к пониманию своей роли в событиях войны и своей сексуальной идентичности. Вышеприведенные факты говорят

о том, что Максимилиан Ауэ переживает становление самосознания только спустя многие годы, и во многом оно обусловлено трагическим опытом войны. Именно поэтому он и решается написать книгу, обращаясь к событиям, произошедшим с ним в период войны.

Претерпевает метаморфозы и психическое состояние героя. Это проявляется, например, в фанатичном отношении Ауэ к чистоте (он ругает своего помощника Ханику за, как ему кажется, недостаточно тщательно выстиранную одежду), отражается и в сновидениях, каждое из которых он описывает самым подробным образом. Происходящее герой воспринимает через сны, детские воспоминания и мечты, в иллюзорной реальности которых он и пытается скрыться. Даже когда Ауэ оказывается в расстрельном рве, его фантазмы указывают на нежелание принимать собственную ответственность за убийства: «вдруг моя рука отделилась от тела и поплыла над оврагом, стремя по сторонам...» [3. С. 115].

Сновидения героя-рассказчика – еще один способ характеристики его сознания. Как утверждает М.М. Бахтин, «сновидения... в эпосе... пророческие, побуждающие или предостерегающие – не выводят человека за пределы его судьбы и характера, не разрушают его целостности» [19. С. 132]. Так, в одном из своих снов воплощенный в бже-кальмаре Ауэ, желая, чтобы все покинули его город, колотит щупальцами медящих жителей и гневается, когда назначенный им служащий просит их эвакуироваться: «...я видел в его уловках страшное унижение, ведь настоящей причиной была моя Воля, и чужестранцы должны убраться вон, потому что я того желаю, а не потому что им задурили головы» [3. С. 133]. Примечательно то, что в указанном сне отражаются не только события изгнания евреев из Германии, но и бессилие главного героя, его желание остаться одному и сосредоточенность на себе.

Фамилия рассказчика представляет собой анаграмму французского слова *eau* («Ауе» – фр. *eau* (вода)). Как отмечает Эдит Перри, «Ауэ – будто нечистая вода, на что указывает беспорядок букв, составляющих его фамилию» [20. Р. 134]. Неслучайно в следующей сцене романа события происходят под непрекращающимся проливным дождем: наличие водной стихии не только указывает на связь предшествующего сновидения с реальностью, но и является символом благоволящей герою стихии. Однако он оказывается неспособным проявить свою власть: судьбу санитаря Грева, убившего унтерштурмфюрера Отта, решает вовсе не высший по званию гауптштурмфюрер Ауэ, а человек в звании шарфюрера, что на несколько ступеней ниже в военной иерархии СС. Шарфюрер позволяет Греву сбежать, изгоняет из отряда. Таким образом, сон Ауэ также является характеризующим его личностью: он показывает несостоятельность героя как руководителя.

Проявление инфантильности можно также заметить в отношении Ауэ к своим служебным обязанностям офицера связи. Получив задание подготовить фотоотчет об экзекуциях, герой увлеченно делает фотоальбом. Нарратор сообщает: «Выполняя данное мне

поручение, я решил, что лучше вместо бессистемных фотографий представить документальный альбом. <...> Я подобрал еще и черно-белые снимки, потом на хорошей бумаге, раздобытой в администрации 29-го армейского корпуса, переписал наши рапорты об операции. Штабной служащий каллиграфическим почерком вывел красивые подписи под карточками и оформил титульный лист: “Большая операция в Киеве” – заглавными буквами, “Отчеты и документы”, а также даты – маленькими... (переплетчик) сшил отчеты и страницы с фотографиями под обложкой из черной кожи, изъятый из конфискованного у евреев добра, и украсил ее эмблемой зондеркоманды-4а блестящей чеканки» [3. С. 119]. Ауэ проводит скрупулезную работу, систематизирует фотографии, продумывает оформление альбома. Представляется, что манипуляции героя-рассказчика сопоставимы с коллекционированием. По мнению Жана Бодрийяра, коллекционирование представляет собой модель обладания [21. С. 97]. Морис Реймс утверждает: «Для ребенка это зачаточный способ освоения внешнего мира – расстановка, классификация, манипуляция. Активная фаза коллекционерства бывает... у детей семи-двенадцати лет <...> В общем, во всех случаях она четко соотносится с сексуальным состоянием субъекта; коллекционерство выступает как мощный компенсаторный фактор в критические фазы сексуальной эволюции» (Цит. по: [21. С. 97]). Напомним, что герой романа испытывает влечение к своей сестре и переживает разрушение собственной семьи. Документальный фотоальбом с изображениями расстрелов еврейского народа отсылает к жанру семейного альбома. Подобная пародия на семейный альбом не только воспроизводит переживания Ауэ о несовершенстве собственной семьи, но и в очередной раз доказывает невозможность принятия им скорби другого.

Обратимся к финальной сцене романа. Максимилиан Ауэ, убив своего приятеля Томаса Хаузера, спасшего ему жизнь, а ранее завербовавшего в СД, переодевается в его одежду и забирает документы Клеменса – детектива, расследовавшего смерть его матери и отчима. Переодевание и подмена документов в данном случае представляет собой буквальную попытку изменить личность и скрыться от правосудия, однако в то же время герой отчетливо понимает неосуществимость преодоления мук совести. Он сообщает: «Я остался один на один с умирающим гипопотамом, страусами и трупами, один на один со временем, печалью, горькими воспоминаниями, жестокостью своего существования и грядущей смертью. Мой след взяли Благоволительницы» [3. С. 778].

Примечательно то, что события в данной сцене происходят в разрушенном зоопарке в момент взятия Тиргартена советскими войсками. В.В. Мароши, изучавший топос зверинца в литературе XIX в., писал, что bestiарий ассоциировался с дисциплинарным пространством, а появление данного топоса в русской литературе первой половины XX в. связано с выражением антигосударственных настроений и революцией [22]. Подобная трактовка применима и к аналогичному топосу в романе «Благоволительницы». Разруше-

ние зоопарка символизирует окончание войны, освобождение европейских государств от диктатуры фашизма, но вместе с тем и указывает на растерянность инфантильного героя, для которого самостоятельное существование кажется невозможным. Так как топос зоопарка также тесно связан с категорией детскости, умершие и покидающие зоопарк животные – символ окончания «детства» инфантильного героя. Рассказчик говорит: «Русские прошли мимо. Навстречу мне по аллее семеня слоненок, за ним три шимпанзе и оцелот. Они обогнули мертвецов и, не замедляя хода, перебежали мостик, бросив меня одного» [3. С. 778].

Вышеперечисленные наблюдения позволяют сделать вывод о том, что инфантильность – это то свойство главного героя, которое является определяющим качеством его личности, оно определяет и поведение героя и специфику нарратива рассказчика. Ауэ неспособен «отделиться» от своей семьи, что провоцирует его на убийство матери, постоянные фантазии о своей сестре и воспоминания о детстве. Эта неспособность кажется тем более навязчивой, что на детские воспоминания героя наталкивают эпизоды страшных событий еврейского геноцида. Даже в такой ситуации Ауэ «предпочитает» говорить о себе. Неспособность к «отрицанию рода» ведет к отрицанию другого. Ауэ-герой лишен эмпатии к расстреливаемым, что отражается и в повествованиях Ауэ-нарратора: об убийствах он говорит подробно, детально, используя сравнения, однако совершенно безоценочно. Своим переживаниям, связанным с телом, рассказчик уделяет преувеличенно большое внимание, его повествование при этом предельно физиологично и не скованно языковыми запретами. Для инфантильного героя признание вины невозможно: оно заменяется амнезией (герой не помнит, что убил своих мать и отчима), фантазмами (его рука, плывущая над расстрельным рвом) и сновидениями (Ауэ, воплощенный в бже-кальмаре). Подтверждением этого качества героя является также то, что в финале он предпочитает притвориться другим человеком, дабы избежать наказания за свои поступки. Однако спустя десятки лет герой преодолевает инфантилизм своего видения: свидетельством этого и является решение создать роман.

Необходимо отметить, что «Благоволительницы» – не единственный роман о войне, в котором в качестве главного героя выведен носитель инфантильного сознания: таковым, например, является герой романа Луи Фердинанда Селина «Путешествие на край ночи», принимающий неосознанное решение присоединиться к воюющим. Однако роман Литтелла показывает современному читателю человека, уверенного в своей исключительности, но при этом неисключительного, такого же, как все («Уж поверьте мне: я такой же, как и вы!» [3. С. 28]). Инфантилизм героя-нарратора обеспечивает роману эффект достоверного изображения войны. Выделенные особенности романа позволяют говорить о том, что современная литература предпринимает попытку осмысления положения человека на войне вне границ и клише, разделяющих две «стороны баррикад» (победителей и проигравших).

ЛИТЕРАТУРА

1. Suleiman S. When the Perpetrator Becomes a Reliable Witness of the Holocaust : On Jonathan Littell's *Les Bienveillantes* // *New German Critique*. 2009. Vol. 36, № 1. P. 1–19.
2. Турнье М. Лесной царь : роман / пер с фр. И. Волевича, А. Давыдова. М. : Амфора, 2004. 206 с.
3. Литтелл Д. Благовоительницы : роман / [пер. с фр. И. Мельникова]. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. 800 с.
4. Laurent T. La réception des *Bienveillantes* dans les milieux intellectuels français en 2006 // *Les bienveillantes de Jonathan Littell: Études réunies par Murielle Lucie Clément*. 2010. P. 11–18.
5. Delorme J. *Les Bienveillantes*: une parole qui donne la voix au bourreau // *Les bienveillantes de Jonathan Littell: Études réunies par Murielle Lucie Clément*. 2010. P. 31–46.
6. Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных. М. : НЛО, 2018. 328 с.
7. Troubetzkoy W. «Frères humains...»: *Les Bienveillantes*, une histoire de familles // *Les bienveillantes de Jonathan Littell: Études réunies par Murielle Lucie Clément*. 2010. P. 19–30.
8. Imbaud P. À propos des *Bienveillantes*. Variations autour de la perversion // *Les bienveillantes de Jonathan Littell: Études réunies par Murielle Lucie Clément*. 2010. P. 185–196.
9. Tholozany de P. Le «curieux exercice»: voyeurisme et conscience du meurtre dans *Les Bienveillantes* // *Les bienveillantes de Jonathan Littell: Études réunies par Murielle Lucie Clément*. 2010. P. 197–212.
10. Шкловский В. Искусство как прием // *О теории прозы*. М. : Федерация, 1929. 265 с.
11. Зенкин С. Джонатан Литтелл как русский писатель // *Иностранная литература*. 2008. № 12. С. 200–211.
12. Бахтин М.М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 3. Теория романа (1930–1961 гг.). М. : Языки славянских культур, 2012. 880 с.
13. Пятигорский А.М. «Другой» и «свое» как понятия литературной философии. // *Непрекращаемый разговор*. СПб. : Азбука-классика, 2004. 432 с.
14. Bocage-Lefevbre D. La connaissance du narrateur // *Les bienveillantes de Jonathan Littell: Études réunies par Murielle Lucie Clément*. 2010. P. 103–124.
15. Кристева Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении. СПб. : Алетейя, 2003. 248 с.
16. Подорога В.А. Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы в двух томах. М. : Культурная революция Логос, 2006. Т. 1. 379 с.
17. Boisseleau Y. *Les Bienveillantes*: une position ironique // *Les bienveillantes de Jonathan Littell: Études réunies par Murielle Lucie Clément*. 2010. P. 277–298.
18. Подорога В.А. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию (материалы лекционных курсов 1992–1994 годов). М. : Ad Marginem, 1995. 340 с.
19. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Языки славянской культуры, 2002. 341 с.
20. Perry E. Rêves et fantasmes dans *Les Bienveillantes* // *Les bienveillantes de Jonathan Littell: Études réunies par Murielle Lucie Clément*. 2010. P. 125–140.
21. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр. и сопроводит. ст. С. Зенкина. М. : Рудомино, 2001. 224 с.
22. Мароши В.В. Топосы зверинца и зоосада в русской литературе второй половины XIX – начала XX вв // *Культура и текст*. 2014. № 2 (17). С. 155–173.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 7 апреля 2020 г.

Infantile Consciousness and Its Narrative Incarnation in Jonathan Littell's Novel *Les Bienveillantes*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 458, 16–21.

DOI: 10.17223/15617793/458/2

Evgeniya S. Zhironkina, Ural Federal University (Yekaterinsburg, Russian Federation). E-mail: PastorJoseph@yandex.ru

Keywords: Jonathan Littell; *Les Bienveillantes*; infantile consciousness; Holocaust; hero-narrator.

The article examines the narrative organization of Jonathan Littell's novel *Les Bienveillantes* [The Kindly Ones], dedicated to the events of World War II and offering the experience of an artistic understanding of the Holocaust. Maximilien Aue, the protagonist and narrator of *Les Bienveillantes*, is an ex-officer of the SS and SD. The author of the article attempts to explain how his personality traits influence the specifics of the novel's narrative. She shows that Aue's important characteristic is infantility; this feature determines his behavior, perception, and, as a consequence, the specifics of the narrative. In the analysis of the novel, the author uses narratological methodology. She studies aspects illustrating manifestations of Aue's infantility: relationship with his family, joining the ranks of the SD, direct participation in the extermination of the Jewish people and performance of official duties; transformation of his mental state; his behavior in situations that threaten his freedom. The author shows that Aue is unable to break the infantile relationship with his family: the narrative contains his childhood memories and his thoughts about his family as part of the story of the tragic events of the Holocaust. The author reveals that Aue's involvement in service to the Third Reich is unconscious: his decision to join the SD is not based on ideological reasons, but on the fear of criminal punishment and the physical discomfort he experiences. When completing errands, Aue pursues his own interests rather than official duties (in particular, he compiles a photo album with executions instead of a formalized report). Metamorphoses of Aue's mental state also testify to his infantile consciousness. The author analyzes dreams and fantasies that indicate Aue's immaturity. His dreams perform a characterological function in the novel: they show his failure as a leader. Aue's lack of empathy shows in his inability to sympathize with the victims of the genocide; it determines the speech features of his story such as the neutral narration about the executions, shocking comparisons and associations, the physiological nature of the narrative language. Aue's infantility also leads to his inability to take responsibility for his actions; his self-consciousness develops many years later. Aue's maturity shows in the recognition of his own non-exclusivity and in the intention to write a novel—to return to his experience of participating in Jewish actions. The choice of a bearer of infantile consciousness as the narrating protagonist in *Les Bienveillantes* indicates that modern literature is attempting to comprehend the situation of a person embroiled in hostilities, in the situation of no choice.

REFERENCES

1. Suleiman, S. (2009) When the Perpetrator Becomes a Reliable Witness of the Holocaust: On Jonathan Littell's *Les Bienveillantes*. *New German Critique*. 36 (1). pp. 1–19.
2. Tournier, M. (2004) *Lesnoy tsar': roman* [Forest King: A Novel]. Translated from French by I. Volevich, A. Davydov. Moscow: Amfora.
3. Littell, D. (2014) *Blagovolitel' nitsy: roman* [The Kindly Ones: A Novel]. Translated from French by I. Mel'nikov. Moscow: Ad Marginem Press.

4. Laurent, T. (2010) La réception des Bienveillantes dans les milieux intellectuels français en 2006. In: *Les Bienveillantes de Jonathan Littell: Études réunies par Murielle Lucie Clément*. Open Book Publishers. pp. 11–18.
5. Delorme, J. (2010) Les Bienveillantes: une parole qui donne la voix au bourreau. In: *Les Bienveillantes de Jonathan Littell: Études réunies par Murielle Lucie Clément*. Open Book Publishers. pp. 31–46.
6. Etkind, A. (2018) *Krivoie gore: Pamyat' o nepogrebennykh* [Warped Mourning. Stories of the Undead in the Land of the Unburied]. Moscow: NLO.
7. Troubetzkoy, W. (2010) “Frères humains...”: Les Bienveillantes, une histoire de familles. In: *Les Bienveillantes de Jonathan Littell: Études réunies par Murielle Lucie Clément*. Open Book Publishers. pp. 19–30.
8. Imbaud, P. (2010) À propos des Bienveillantes. Variations autour de la perversion. In: *Les Bienveillantes de Jonathan Littell: Études réunies par Murielle Lucie Clément*. Open Book Publishers. pp. 185–196.
9. de Tholozany, P. (2010) Le “curieux exercice”: voyeurisme et conscience du meurtre dans Les Bienveillantes. In: *Les Bienveillantes de Jonathan Littell: Études réunies par Murielle Lucie Clément*. Open Book Publishers. pp. 197–212.
10. Shklovskiy, V. (1929) *O teorii prozy* [On the Theory of Prose]. Moscow: Federatsiya. pp. 7–23.
11. Zenkin, S. (2008) Dzhonatan Littell kak russkiy pisatel' [Jonathan Littell as a Russian writer]. *Inostrannaya literatura*. 12. pp. 200–211.
12. Bakhtin, M.M. (2012) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected works: In 7 Volumes]. Vol. 3. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
13. Pyatigorskiy, A.M. (2004) *Neprekrashchaemyy razgovor* [An Uninterrupted Conversation]. Saint Petersburg: Azbuka-klassika. pp. 187–190.
14. Bocage-Lefebvre, D. (2010) La connaissance du narrateur. In: *Les Bienveillantes de Jonathan Littell: Études réunies par Murielle Lucie Clément*. Open Book Publishers. pp. 103–124.
15. Kristeva, J. (2003) *Sily uzhasa: esse ob otrashchenii* [Powers of Horror; An Essay on Abjection]. Translated from English. Saint Petersburg: Aleteyya.
16. Podoroga, V.A. (2006) *Mimesis. Materialy po analiticheskoy antropologii literatury v dvukh tomakh* [Mimesis. Materials on the analytical anthropology of literature in two volumes]. Vol. 1. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Logos.
17. Boisseleau, Y. (2010) Les Bienveillantes: une position ironique. In: *Les Bienveillantes de Jonathan Littell: Études réunies par Murielle Lucie Clément*. Open Book Publishers. pp. 277–298.
18. Podoroga, V.A. (1995) *Fenomenologiya tela. Vvedenie v filosofskuyu antropologiyu (materialy lektsionnykh kursov 1992–1994 godov)* [Phenomenology of the Body. Introduction to Philosophical Anthropology (Materials of Lecture Courses, 1992–1994)]. Moscow: Ad Marginem.
19. Bakhtin, M.M. (2002) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
20. Perry, E. (2010) Rêves et fantasmes dans Les Bienveillantes. In: *Les Bienveillantes de Jonathan Littell: Études réunies par Murielle Lucie Clément*. Open Book Publishers. pp. 125–140.
21. Baudrillard, J. (2001) *Sistema veshchey* [The System of Objects]. Translated from French by pp. Zenkin. Moscow: Rudomino.
22. Maroshi, V.V. (2014) The Topoi of a Menagerie and a Zoo in the Russian Literature of the Second Half of 19th – Early 20th Centuries. *Kul'tura i tekst – Culture and Text*. 2 (17). pp. 155–173.

Received: 07 April 2020